

После той беседы отношения Ли Циньи и Цзюнь И стали гораздо ближе.

В свободное время Цзюнь И неизменно приглашал Ли Циньи сыграть партию в го, а Ли Циньи, в свою очередь, доставал из своего Наследия чертежи механизмов и мастерил для Цзюнь И изящные и полезные безделушки. В ответ Цзюнь И одаривал его вещами, которые сам считал редкими и ценными.

Подобный обмен знаками внимания привел к тому, что в присутствии Ли Циньи Цзюнь И окончательно отбросил маски, явив свою истинную сущность.

Никто не знал, что Цзюнь И, с рождения обласканный высшей властью, на самом деле был ребенком, которому катастрофически не хватало любви. Больше всего на свете он жаждал не престола, а простых человеческих чувств, доступных каждому. Он мечтал о тихой, размеренной жизни, но как его ослепительная красота, так и высокое положение загоняли его в узкие рамки, из которых было невозможно выбраться.

Появление Ли Циньи стало случайностью, подарившей отчаявшемуся Цзюнь И надежду. Рядом с ним он был просто Цзюнь И, а не могущественным и грозным наследным принцем государства Хуа.

Цзюнь И так сильно жаждал любви, что, стремясь удержать это тепло, запоминал каждое движение Ли Циньи. Он не успокаивался, пока не разгадывал все до мелочей, лишь бы Ли Циньи было комфортно.

Он и не подозревал, что именно эта забота ввергла Ли Циньи в состояние внутреннего конфликта.

Прошел месяц с их первой встречи. Все это время они путешествовали вместе, и Ли Циньи, опираясь на знания, полученные за годы странствий, помогал Цзюнь И расправляться с коррумпированными чиновниками.

Поначалу Ли Циньи лишь искренне жалел, что столь блистательный человек может погибнуть, и потому решил обеспечить его безопасность. Но со временем он понял, что сохранить прежнее спокойствие уже не удастся.

Ли Циньи не знал, что именно он чувствует к Цзюнь И, но был уверен в одном — он хотел обладать им.

Его радовало, что Цзюнь И, столь высокомерный с окружающими, перед ним становился мягким и покорным. В сердце порой вспыхивало странное, тайное возбуждение: хотелось увидеть на лице принца выражение еще большей беспомощности, хотелось довести его до слез. Но стоило Цзюнь И радостно протянуть ему какую-нибудь безделушку, как эта жестокость бесследно исчезала.

Ли Циньши не знал, любовь ли это, но это не мешало ему держать Цзюнь И при себе.

Время — лучший судья. Только прожив бок о бок, можно понять, любовь это или нет. Если да, то он посвятит всю жизнь тому, чтобы быть рядом с Цзюнь И и дарить ему всё, чего тот пожелает. Если нет, то, завершив задание, он просто вернется в реальность, а система создаст марионетку, которая останется с принцем, тем самым отдав дань их дружбе.

Хотя каждый раз, глядя в чистые глаза Цзюнь И, Ли Циньши чувствовал странный укол совести, он не хотел отказываться от человека, впервые пробудившего в нем столь яростное чувство собственности.

Ли Циньши, сам того не ведая, сыгравший с чувствами принца, заперся в комнате, изучая описанные в Наследии способы создания сложных фейерверков.

Будучи перфекционистом, он хотел подарить Цзюнь И прекрасные воспоминания, чтобы в будущем, вспоминая это время, им было о чем поговорить.

Конечно, как бы он ни уставал днем, по вечерам Ли Циньши неизменно появлялся у Цзюнь И. С одной стороны, он опасался внезапных нападений, с другой — не оставлял надежды стать к нему еще ближе.

В тот день Ли Циньши, как обычно, пришел в покои Цзюнь И, едва волоча ноги от усталости.

— Ты пришел! Скорее садись, отдохни, — едва заведя его, Цзюнь И отложил дела и поспешил навстречу. Он усадил Ли Циньши в кресло и привычным жестом налил ему чаю, после чего добавил: — Я усилил охрану, так что даже если нагрянут убийцы, ничего не случится. Тебе не обязательно так...

Сначала Цзюнь И сомневался, когда Ли Циньши предупреждал о наемных убийцах, но, видя, как тот изматывает себя ежедневными разъездами, он почувствовал стыдливую жалость. Поэтому он приказал усилить ночной дозор. Он хотел дать Ли Циньши возможность отдохнуть, но, когда дело дошло до слов, заколебался. Он не хотел, чтобы Ли Циньши уходил, но не находил повода оставить его.

Цзюнь И открывал и закрывал рот, не зная, что сказать, и наконец, поймав вопросительный взгляд Ли Циньши, выпалил первое, что пришло в голову:

— Путь неблизкий, ты слишком устал. Оставайся сегодня здесь.

В комнате воцарилась пугающая тишина.

Цзюнь И увидел, как Ли Цинь опустил голову, и его охватил ужас. А вдруг Ци Хань неверно его истолкует? Вдруг подумает, что у него грязные помыслы? Нет, он не может потерять Ци Ханя, своего единственного друга.

В тот момент, когда Цзюнь И в смятении уже собирался объясниться, Ли Цинь поднял голову и одарил его нежной улыбкой:

— Что ж, тогда мы с Цзэси последуем примеру мудрецов древности и разделим ложе, как подобает верным друзьям.

Тревога в душе Цзюнь И улеглась, сменившись теплом, а привязанность к Ли Цинь стала еще глубже. Он подумал, что это, должно быть, и есть та самая братская дружба, о которой говорят люди.

Ощущая полное удовлетворение, Цзюнь И сладко уснул в объятиях Ли Цинь.

А вот Ли Цинь пришлось несладко: красавец в объятиях, а прикоснуться нельзя. Пришлось лежать с открытыми глазами до рассвета. Как только забрезжил первый луч солнца, Ли Цинь вскочил. Несмотря на желание поскорее уйти, он заботливо взглянул на Цзюнь И и, убедившись, что тот не проснулся, поднялся с постели и оделся.

Стоило ему выйти за дверь, как он почувствовал неладное.

— Стража! Убийцы!

Не раздумывая, Ли Цинь громко позвал патрульных.

Убийцы, скрывавшиеся в тени, поняв, что их обнаружили, немедленно перешли в наступление. Они разделились на две группы: одна связала боем стражников, другая бросилась к покоям Цзюнь И.

Эти убийцы обладали мощной Внутренней силой и отточенными приемами — явно профессиональные смертники!

Ловко отражая атаки тех, кто пытался прорваться внутрь, Ли Цинь усмехнулся. Столь искусные воины не могли быть воспитаны варварами из враждебных стран, а все улики, описанные в романе, были лишь ширмой, чтобы сбить со следа.

Отвлечшись на мысли, Ли Цинь на мгновение потерял бдительность, и один из убийц прорвался внутрь.

Увидев, что враг проник в комнату, Ли Цинь в отчаянии воскликнул:

— Р-р-а-а!

Внутренняя сила выплеснулась наружу, отбросив ближайших противников. Оттеснив врагов, Ли Циньши ворвался в комнату. Он ожидал худшего, но увидел неожиданную картину.

Цзюнь И сидел на кровати в растрепанных одеждах, а в его глазах застыл невиданный доселе холод. Он сжимал мягкий меч, конец которого был вогнан прямо в грудь убийцы. Заметив Ли Циньши, он в панике выдернул клинок и отбросил его в сторону.

— Ци Хань, как ты здесь оказался? — испуганно спросил Цзюнь И.

Беда! Он показал Ци Ханю свою жестокую сторону. Вдруг он подумает, что он бессердечный убийца?

Цзюнь И, чей интеллект падал до нуля при виде Ли Циньши, совершенно забыл об опасности ситуации.

Но Ли Циньши не забыл. Он быстро подобрал брошенный меч, вложил его обратно в руку Цзюнь И и прошептал:

— Будь осторожен. Встань за мою спину, я тебя защищу.

— М-м, — срывающимся голосом ответил Цзюнь И.

Никто и никогда не говорил ему, что будет защищать его. Все это время Цзюнь И боролся в одиночку, а теперь он так устал, что хотел бы, чтобы время остановилось, позволяя ему вечно пребывать под защитой Ли Циньши.

В этот миг зерно любви окончательно пустило корни в сердце Цзюнь И, ожидая лишь повода, чтобы расцвести прекрасным цветком.

И этот повод не заставил себя ждать.

— Осторожно! — Ли Циньши обхватил зазевавшегося Цзюнь И, уворачиваясь от первой волны скрытого оружия.

Черт возьми! Он явно недооценил масштаб нападения!

Укрывая Цзюнь И от летящих снарядов и одновременно пытаясь расправиться с убийцами, Ли

Циньши был готов принять удар на себя, лишь бы принц остался невредим.

Глядя на это, Цзюнь И, наконец пришедший в себя, прослезился:

— Береги себя! Не думай обо мне, я тоже обучен боевым искусствам!

Цзюнь И никогда еще так не ненавидел себя за то, что забросил тренировки, потратив все силы на государственные дела. Если бы не это, он мог бы сражаться плечом к плечу с Ли Циньши, а не беспомощно наблюдать, как тот получает ранения из-за него.

Эта ненависть достигла пика, когда Ли Циньши закрыл его собой от клинка.

— Нет, Ци Хань! — Цзюнь И обнял потерявшего сознание Ли Циньши, не переставая шептать: — Очнись, Ци Хань, очнись! Прощу, открой глаза!

К тому времени стража уже перебила всех нападавших.

Взглянув на убийц, которых притащил Шао Юинь, Цзюнь И сверкнул глазами, в которых промелькнул кровавый отблеск. Он отчеканил:

— Забрать их. Допросить с пристрастием. И смотрите, не дайте им умереть раньше времени.

Сказав это, он с нежностью погладил бледное лицо Ли Циньши, не обращая внимания на окружающих.

Видя такого Цзюнь И, Шао Юинь невольно содрогнулся. Он понял: эти люди коснулись самой страшной тайны принца.

Не смея медлить, Шао Юинь потащил пленных прочь.

В комнате остался лишь Цзюнь И, заботливо поправляющий одежду Ли Циньши, сбившуюся во время боя.

— Не бойся, — прошептал он, — я заставлю их заплатить.

В маленьком дворике что-то стремительно прорастало, готовясь расцвести прекрасными цветами.